

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ОКТАВА

Богдан Росчич: В Европе продавцы музыкальных магазинов с нетерпением ждут следующую пермскую запись

Президент компании Sony Classical рассказал «Новому компаньону» о совместной работе с Теодором Курентзисом и о сложностях на рынке звукозаписи

Юлия Баталина

Богдан Росчич родился в социалистической Югославии и в школе им. Владимира Ильича Ленина изучал русский язык. Затем он оказался в Австрии и Вене изучал философию и музыковедение, работал журналистом, музыкальным критиком. Сегодня он — глава крупнейшей международной компании, специализирующейся на записях классической музыки. В Пермь Богдан Росчич приехал в связи с записью оперы Моцарта «Дон Жуан», которую его компания осуществляет в Пермском театре оперы и балета.

— Какова цель вашего приезда?

— Я здесь потому, что мы здесь создаём запись, которая, надеюсь, будет эталонным исполнением одного из самых важных музыкальных произведений, которые когда-либо были написаны. Я думаю, что мы достигнем своей цели, поскольку MusicAeterna — и оркестр, и хор, — на мой взгляд, сегодня входит в крошечную элитную группу величайших ансамблей мира.

Для меня Пермь — особенное место. Моя работа подразумевает много путешествий и много походов в театр: её преимущество — то, что я посещаю множество замечательных оперных постановок и симфонических концертов. Но то, как сейчас здесь рождается музыка — это захватывающе!

Работа оркестра MusicAeterna — полнейшее согласие, радость и счастье от совместной работы, небывалый перфекционизм. Поэтому, бывая в Перми, я чувствую себя на 20 лет моложе. Так что главная причина моего приезда — эгоистическая.

Кроме того, мне нужно было встретиться с Теодором Курентзисом: у нас много тем для обсуждения. Главная — совместное прослушивание и обсуждение окончательной версии оперы Моцарта *Così fan tutte*, которую мы записали ещё до уже выпущенной «Женитьбы Фигаро».

Теодор — очень студийный музыкант. Это не значит, что он не любит дирижировать на живых концертах, это значит, что он подходит к созданию записи как к особому искусству и добивается особого результата. Он работает в студии, формирует звук, создаёт особую динамику всей записи — от арии к арии, от ансамбля к ансамблю...

Постпродукция *Così fan tutte* была очень долгой, потому что Теодор был неудовлетворён. Он долго не мог достичь нужного результата, и я приехал в Пермь для того, чтобы ещё раз

вместе с ним послушать окончательный вариант и получить его одобрение.

Во время работы над операми Моцарта мы проводим вместе сотни часов, обсуждая, как бы нам хотелось слышать тот или иной фрагмент, как он должен звучать... Я испытываю особое удовольствие от этих взаимоотношений, так что я с радостью приехал в Пермь.

— Теодор одобрил запись *Così fan tutte*?

— Да! Так что наконец-то мы сможем выпустить этот диск и ещё успеем сделать это до Рождества. Это очень хорошо с точки зрения коммерции: люди покупают на Рождество подарки, и этот диск — отличный рождественский подарок. Во многих странах, например, во Франции, в Германии, где мы представляли нашего «Фигаро», продавцы музыкальных магазинов с нетерпением ждут следующую пермскую запись — они уже знают, что это будет нечто уникальное.

Я хорошо помню презентацию «Фигаро», первую презентацию, в Берлине. Это было в кинотеатре Sony, и он был полон представителями магазинов: больших, вроде Амазон, маленьких — всяких. Мы показали небольшой фильм о Перми и об оркестре MusicAeterna, представили фрагменты записи. Теодор рассказал об этой записи, объяснил что-то... И общая реакция была — ошеломление. Я такого никогда не видел! Люди подходили ко мне после презентации — это люди, которые слышали тысячи записей, слушают их каждый день, обязательно слушают новую запись Доминго, новую запись Ланга Ланга, новое то, новое сё... Они подходили, жали мне руку и говорили: «Это — фантастика!» Без преувеличения могу сказать, что реакция была мощнейшая!

Так что сейчас рынок ждёт новую запись, и я счастлив, что они вот-вот дождутся.

— Есть много слухов о том, как происходят эти записи, как их делает

Теодор Курентзис. Некоторые люди считают, что это «ненастоящая» музыка, потому что это монтаж из множества очень коротких отрывков, да ещё отредактированный с помощью электроники...

— Да, дискуссия на эту тему продолжается столько же, сколько существует в принципе звукозапись. Как только появились аналоговые магнитофоны, появилась возможность вырезать фрагменты, смонтировать... И тут же появились два противоположных течения: одно считает, что запись — это своего рода фотография концерта, документ. Не важно — в зале или в студии, перед слушателями или перед микрофоном сделана запись, но она документальна.

Другое течение, к которому принадлежал, например, Гленн Гульд, великий пианист, считает, что запись — это особый артефакт, который создаётся по собственным законам и правилам, отличным от законов и правил создания живого концерта. Это не фиксация живого концерта, это создание чего-то особенного.

Оба течения имеют право на существование, но, что касается меня, то я думаю так же, как Гленн Гульд. Я считаю, что финал в «Фигаро», который начинается как дуэт и перерастает в сцену для семи голосов, — это чудо. Это одно из величайших достижений человеческого гения. Я слышал сотни «Фигаро» в различных оперных театрах, и я точно знаю: ни в одном театре вы не услышите такого вокального совершенства, как на нашей пермской записи. На этой записи слышна каждая нота!

Есть особо одарённые люди, которые не нуждаются в певцах, чтобы слышать музыку: они её слышат в своей голове, когда читают нотный текст. Для них запись или исполнение на сцене — это примерно как для обычного человека экранизация прочитанной книги: всё равно не то, что мы представляли себе во время чтения. Но таких людей очень мало. Я, например, лишён этого дара. И многие выдающиеся музыканты тоже его лишены. Нам для того, чтобы услышать музыку, нужны певцы и музыканты. И я счастлив, что сейчас у нас есть возможность слышать абсолютно ту самую музыку, те самые ноты, что написаны в партитуре Моцарта. Это большое счастье, и это наше большое достижение.

Ради справедливости должен сказать, что я неоднократно слышал живые выступления MusicAeterna, без всякой

электроники. Я знаю, на что способен этот коллектив. В Мадриде на представлении «Королевы индейцев»... Я никогда не слышал, чтобы хор так пел. Никогда в жизни! Так что неправда, что этот коллектив не может ничего исполнить без электронных примочек. Нет! Использование электроники было сознательным решением, чтобы достичь особенного результата. Это не хуже и не лучше, чем живая музыка, — это нечто иное.

— Почему «пермский Моцарт» так важен для Sony Classical?

— Давайте посмотрим на историю звукозаписи. Она началась с записи Энрико Карузо в Милане, в отеле, в 1910 году. Он спел 10 арий и получил гонорар наличными. А сейчас у нас уже есть более 100 лет наследия звукозаписи. Есть музыкальные произведения, которые были записаны более сотни раз! «Фигаро», как мы выяснили, до нашей работы был записан 177 раз — студийные записи, живые представления, CD, DVD... Мы всё учили, даже пиратские записи, сделанные в Венской опере с помощью диктофона.

Спрашивается: зачем делать 178-ю версию? Есть только две возможные причины. Первая — это очень выгодно. И это в нашем случае не причина, потому что рынок сегодня такой, какой он есть. Настоящая причина — сделать нечто абсолютно новое, радикальное и отличное от всего, что было раньше.

По-моему, пермская запись «Фигаро» — вершина того, что возможно сегодня в музыке. Это наилучшая возможная запись произведения, которое создал величайший гений, когда-либо рождённый человечеством. Я уверен в этом.

Мы не просто сделали «ещё одну запись Моцарта». Мы сделали нечто совершенно новое и особое и, по-моему, превосходящее предшественников. Мы дали для всех любителей музыки возможность слушать эти произведения в качестве, которое доньше было недостижимым.

— Вы сказали, что «рынок сегодня таков, каков он есть». И каков же? Не кажется ли вам, что отрасль звукозаписи сегодня чуть ли не такая же вымирающая, как бумажные книги?

— Я думаю, что на рынке классической музыки и на рынке музыки вообще картины разные.

Классическая музыка — это не то, что может быть модным. Она требует от слушателя многого: терпения, сосредоточенности, работы над собой.